АЛЫЙ
КИНЖАЛ
HTTPS://VK.COM/FALLING_KINGDOMS
МОРГАН РОДЕС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В «Алом кинжале» Родес знакомит нас с Магнусом, каким он был до того, как начали разворачиваться события серии. В этом душераздирающем рассказе молодой Магнус переживает судьбоносное событие, которое повлияло на него в будущем и сделало его таким человеком, каким он стал.

- Морган Родес
  - Информация о переводе:
  - ***

Морган Родес
Алый кинжал
Обреченные королевства — 0,1

Информация о переводе:

ВНИМАНИЕ!
Данный файл предназначен для ознакомления,
поэтому просим после прочтения удалить его.
Над переводом работали:
Переводчик: Габриэла Полонская
Перевод предоставлен группой
Falling Kingdoms | Translation books

***

Солнце отражалось от бесконечных льдов за его окном, вырывая Магнуса из глубокого сна. Он потянулся и вздрогнул, всё ещё не в силах осознать, что пламя, согревавшее его спальню, вопреки вечным холодам Лимероса, куда-то пропало. Шерстяное одеяло валялось в стороне, и единственное тепло исходило от девушки, что лежала в его постели.

Это казалось удивительным — потому что ночью в его кровати никакой девушки и в помине не было.

— Эми… — пробормотал он, подумав, что это его любимая горничная могла присоединиться к нему на рассвете.

— Прости, жаль разочаровать, вот только я не Эми.

Холод кинжала, прижавшегося к его горлу, заставил широко распахнуть глаза. Он теперь смотрел в бешено-карие глаза девушки с длинными светлыми волосами — та перекинула ногу через его туловище, прижала его всем своим весом к кровати. Она была полностью одета — кожаные брюки, шерстяной плащ и ни капли смеха в серьёзных глазах.

— Определённо, — согласился он, — Эми ты быть просто не можешь.

Вспыхнуло бордовым, и Магнус подумал, что она уже пустила ему кровь, но тут же осознал, что у острого кинжала в её руках была малиновая рукоять.

— Не хочешь угадать, кто я такая? — поинтересовалась она.

— А выбор у меня есть?

— Нет.

— Вот то-то же, — он с трудом сглотнул, чувствуя жжение в том месте, где к нему прижималось острое лезвие — слишком острое для того, чтобы оказаться просто сном или шуткой. Таким можно убить одним движениям. — Догадываюсь, что ты красивая, но безжалостная убийца, которой за меня, к тому же, заплатили.

— Неправильно. Мне никто за тебя не платил.

— Ну, что же. Тогда убийца, которая работает безоплатно.

— Это не моя профессия.

— И скольких же ты убила?

— Мужчин? Четверо. Принцев с их самовлюблёнными королевскими разумами, которых удушить на месте хочется? Никого. По крайней мере, до сегодняшнего дня, — она прищурилась. — Угадай же, кто я такая!

Он всматривался в её лицо, пытаясь не поддаваться испугу. За все семнадцать лет никто не угрожал его жизни. По крайней мере, не угрожал столь очевидно. Враги у него, разумеется, были,

как и у всех, и многие из них величали себя друзьями, а их улыбки и радость во взгляде пропадали, стоило только ему повернуться спиной.

Он — сын Кровавого Короля, наследник лимерийского престола. Закон требовал, чтобы все были вежливы по отношению к нему — не считая, разумеется, самого короля.

— О, да… — протянул он. — Я вспомнил. Кажется. Три месяца назад был один банкет, и ты дочь господина и госпожи Модиа, что просила чести быть в моей компании, когда я был занят разговором с господином Ленардо…

— Нет, — отрезала она, — я не девица с банкета. Ты, напыщенный индюк, подумай хоть немножечко, и, может быть, наконец-то поймёшь, кто я такая. Давай, последний шанс!

На этот раз он и вправду призадумался, глядя на её золотистые волосы — теперь в них виделось что-то знакомое. Её глаза… Изгиб её челюсти, веснушки на её носу и щеках…

Магнус представил её чуть младше, стоявшей в метели, отдаляющейся от него — она убегала, убегала, убегала от него…

— Кара, — прошептал он. — Кара Столо…

— Вот! — она холодно осклабилась ему в ответ. — Вот же! Уверена, ты не мог забыть девушку, жизнь которой разрушил.

— Это было не моей виной, — резко ответил он, но даже для него это звучало как ложь.

— О, это была твоя вина, — голос её обратился шипением, и на наклонилась ближе и вонзая кинжал в его плоть. — И наконец-то ты заплатишь за то, что совершил.

***

Десять лет назад

Магнус принял важнейшее решение: он убежит из дома.

— И ты пойдёшь со мной, — обратился он к своей младшей сестрёнке, Люции, когда они валялись на полу в своих покоях.

— А куда мы отправимся? — поинтересовалась она, оторвавшись от одного из тех немногих сборников рассказов, что разрешал читать отец. Там велось о сияющей богине Валории, всё просто и понятно, чтобы дети лучше усваивали её законы, уверовали в правила и величие своего божества. Больше всего Люции нравилось изображение богини, где она творила чудо своей магией воды и земли — создавала водопад их сухой скалы, чтобы её скромные подданные смогли утолить терзавшую их жажду.

Магнус тоже рассматривал картинки, но в свои семь и близко

не питал той любви к чтению, что была у его умной, но такой нетерпеливой пятилетней сестры.

— На юг, — ответил он ей. — В Оранос!

Она подняла голову, и её чёрные кудри вихрями взметнулись вокруг неё.

— Но ведь мы там были! И тебе там причинили боль! Почему же ты хочешь туда вернуться?

Он коснулся повязки на правой щеке, что скрывала рану, что, наверняка, оставит отвратительный шрам. Он знал, что не имеет права рассказывать своей сестре об этой ране — не больше, чем она знала. Ведь она будет в ужасе, если узнает, что это совершил их папа, так жестоко отреагировав на глупую попытку Магнуса украсть сияющий, украшенный драгоценными камнями кинжал…

В Лимеросе воровство было таким же преступлением, как и убийство, и наказание за него следовало понести самое суровое.

В горле он ощущал комок, слёзы навернулись на глаза, но он заставил себя успокоиться. Ведь он старший брат, он должен быть сильным. В Ораносе он встретил королевскую семью Беллос — такие добрые, такие тёплые и приветливые — именно те качества, которых никогда не было в Дамора. Помнил дочь, принцессу Клейону, одногодку Люции, с ярко-золотистыми волосами, что напоминали ему тёплое оранийское солнце, даровавшее надежду после возвращения в холодный, мрачный Лимерос — и будущее его может быть таким же ярким!

Но когда они вернулись, тут ничего не изменилось. Он ненавидел это место. И он ненавидел своего отца.

Он думал, что если отправится туда, если вежливо попросит, то семья Беллос обязательно примет его к себе под крыло и защитит…

— Просто доверься мне, сестра, — обратился он к Люции. — Собери то, что хочешь, и давай уйдём!

Она только покачала головой.

— Я не могу уйти. И ты тоже не можешь. Я скажу отцу!

— Нет! — он схватил её запястье с гневом, пылающем в нём, будто бы пламя. — Ты не имеешь права ему сказать! Пожалуйста, пообещай мне, что ты ни слова ему не скажешь! Ни слова!

Она содрогнулась, вздохнула, а плечи её поникли.

— Хорошо, Магнус. Я обещаю.

— Тогда я вернусь когда-нибудь за тобой. Ладно?

Она кивнула, но её губы дрожали.

— Я буду так по тебе скучать…

Магнус поцеловал её в лоб и поднялся, чувствуя, как дрожали его ноги. В груди пылала решимость, когда он взял свой маленький узелок со сменной одежде, кошелёк с парой золотых

монет, что он украл у своего отца, прокрался мимо няньки, задремавшей в кресле у самой двери в их игровую комнату, и тихонько двинулся по ступенькам к залу. Ни один дворцовый стражник не спросил его о том, куда он направляется, когда он проскальзывал мимо них. Ведь, насколько им было известно, он направлялся в часовню, чтобы помолиться великой богине Валории.

Он натянул на голову капюшон своего чёрного плаща. Его он взял у сына одного из слуг, для маскировки, но отлично знал, что тонкая ткань совсем его не согреет. Он покрепче схватился за него и скользнул в холодную ночь за пределами дворца. В двух милях пешего хода была маленькая деревня — она и станет его первым пунктом назначения. Там можно воспользоваться теми монетами, что он украл, заплатить кому-то из взрослых, чтобы те помогли ему найти пристанище на оранийском корабле. И он никому не скажет, кто он.

Небо кипело от ночной бури, густые облака скрывали луну и звёзды. Пылали лишь факелы, установленные вдоль дороги, и ему показалось, что до деревушки идти было не две, а сто миль — но он всё-таки дошёл до нужного места. Содрогнувшись, мальчик толкнул дверь в таверну, занятую крестьянами, что что-то ели и жаловались на погоду.

— Вы только посмотрите на это! — мужчина громко чавкал, жуя своё мясо, и кивнул на Магнуса. — Развлекаться пришёл!

— Ну, не знаю… — его друг рассмеялся. — Кажется, ему совсем тут не интересно. Скажи мне, дитя моё, где твоя мама? Сегодня очень холодная ночь, так может, она поможет мне немного согреться?

Они оба громко засмеялись, и изо рта человека даже вылетел кусок мяса.

Магнус прищурил глаза.

— Как ты смеешь так со мной говорить!

— О, ну прости меня, милорд! — они всё ещё громко хохотали.

Магнус закусил нижнюю губу. Ему не хотелось говорить, что он принц — нет, просто мальчишка, что хочет сбежать отсюда в место получше.

— У меня есть деньги, — проронил он. — И мне нужно в Оранос.

— А я похож на корабль? — поинтересовался второй мужчина. — Или на лошадь с каретой за спиной? Иди отсюда, малыш.

— Ну, подожди! — первый покосился на Магнуса, пытаясь заглянуть в лицо мальчику, спрятанное за капюшоном. — Ты,

малой, говоришь, что у тебя есть деньги? Монеты? И тебе надо в Оранос?

— Я… — Магнус поколебался, чувствуя нависшую в воздухе опасность.

О, какой же он глупый, глупый! Не следовало объявлять об этом во всеуслышанье.

— Это неважно.

Он отвернулся, но мужчина уже схватил его за запястье и потянул к себе.

— А ну-ка дай, — ухмыльнулся мужчина. — Монеты мне нужны, а то я всё истратил на эту еду…

Он безо всяких усилий вырвал мешочек из рук Магнуса, да и с такой силой, что у того аж кости захрустели. Рылся внутри, пока не отыскал там кошелёк с монетами, развязал шнуры, заглянул внутрь и удивлённо изогнул брови.

— О, как мило? Ты это украл? Ну, а разве как-нибудь ещё мог взять? Ну, скажи, дитя моё, откуда у тебя это?

Прежде чем тот вновь коснулся его, Магнус повернулся и выбежал из таверны, оставив там все свои вещи. Дышал он тяжело, и надеялся, что сможет убежать — вот только был уверен, что сейчас насквозь промёрзнет от дикого холодного воздуха.

Пошёл снег, и крупные хлопья-снежинки били его по лицу, падали на волосы. Он вновь натянул капюшон на голову, но ветер хлестал его полы, а снег прилипал к лицу и волосам.

Он шёл, даже не зная, куда идёт. За его спиной возвышался лимерийский дворец — массивный чёрный замок, что будто бы тёмной тучей нависал над деревней, и тёмные шпили его башен рассекали ночное небо. А заметил ли уже его отец отсутствие своего сына? Магнус только осторожно коснулся забинтованной щеки и отвернулся от дворца. Нет, он никогда не вернётся. Лучше замёрзнуть насмерть, чем вновь посмотреть на своего отца!

Он блуждал кругами, пытаясь придумать что-то, понять, как попасть на корабль совсем без денег, без своего имени, в тонкой, ледяной одежде. Темнело — и Магнус, лишь на мгновение остановившись и осмотревшись, с ужасом осознал, что он погиб.

Откуда-то слева донёсся крик — из переулка между двумя магазинами. Он подошёл, осторожно, крадясь, поближе, и заглянул в коридор.

Это был тот человек, что отобрал у него мешочек с монетами, и ещё один — кто-то крупный, огромный, — прижимал его к стене здания. Он держал у его горла большой серебряный кинжал с малиновой рукояткой, а в другой руке сжимал тот самый кошель с монетами.

— У тебя должно быть больше! — прорычал громила. — Ну

же, будь хорошим мальчиком, поделись своим богатством!

— Это всё ребёнок… — бормотал испуганно первый. — Я отобрал это у маленького ребёнка.

— Да, разумеется!

Мужчина обернулся и вдруг столкнулся взглядом с Магнусом.

— Да вот же он, этот мальчишка!

Вор моментально повернулся к Магнусу. Мальсик поморщился, увидев огромный шрам, рассекавший его левую щёку.

— Да вы только посмотрите! — вор изогнул толстую чёрную бровь. — Да ты ещё совсем ребёнок…

Первый мужчина улучил момент, оттолкнул вора и бросился в сторону.

Магнус, захлёбываясь слезами, только поднял руки вверх.

— Не убивайте меня!

Вор взвесил в руке мешочек с монетами и изучил сжавшегося Магнуса взглядом.

— Я детей не трогаю. Я вообще никого не трогаю, несмотря на то, что ты только что тут увидел. Ну, пугаю, разумеется, но из-за меня ничья кровь не пролилась, — он продемонстрировал Магнусу кинжал. — Видишь, я выкрасил эфес кинжала в алый, чтобы напоминать себе об этом. В прошлом я пролил много крови, но теперь тот период жизни закончился.

— Папа! — раздался тихий голос откуда-то из тени. — А теперь мне можно выйти?

Вор только тяжело вздохнул.

— Ну, папа, я уже выхожу! — из тени выскользнула хрупкая светловолосая девочка. Она бесстрашно подошла к мужчине, коснулась его руки, отобрала кинжал и вернула его в ножны, и только потом спросила у Магнуса:

— Кто ты?

Её светлые золотистые волосы напоминали ему прекрасную южную принцессу, и уже один взгляд успокоил его.

Не успев ответить — и солгать о том, кто он такой, лишь бы скрыть свою личность, — заговорил вор:

— Как? Разве ты не узнала наследника престола, сына самого короля Гая Даморы? — вор склонил голову набок. — Приветствую тебя, принц Магнус. Ну, имею ли я достаточно смелости и прав, чтобы спросить, почему ты здесь в такой отвратительный вечер?

Магнус в ужасе уставился на него, чувствуя, как паника волной обрушилась на его плечи.

— Ты меня узнаёшь?

— Да. Я совсем недавно работал на твоего отца, был одним

из тех стражников, с которыми такие маленькие принцы вроде тебя не здороваются, — он умолк, будто бы ожидая от Магнуса какого-то ответа. — Ваше Величество, тут для вас совсем не безопасно.

— Я не боюсь, — пусть он и промолвил это, но в голосе чувствовалась позорная дрожь, противоречившая уверенному заявлению.

— О, возможно, вот только ты должен бояться.

Магнус пытался казаться таким же царственным и сдержанным, как и требовал всегда его отец. Если этот человек был дворцовым стражником, несомненно, он должен понимать, как следует относиться королям к таким, как он.

— Как тебя зовут?

Мужчина склонил голову набок.

— Я Калум Столо, Ваше Высочество, а это моя дочурка, Кара.

Сработало! Он сумел сохранить тот приказной тон, пытаясь почувствовать себя чуть более зрелым и уравновешенным, чем полагалось быть семилетнему мальчишке.

— Замечательно. Калум, приказываю отыскать для меня корабль, что отправится в Оранос! Я немедленно хочу уехать отсюда.

— М-м-м… — Калум бросил взгляд на свою дочь. — Как ты думаешь, как же мне стоит поступить?

Кара только пожала плечами.

— Может, посадить его на корабль?

- Я не думаю, что это такая уж и хорошая идея.

— А почему ты сбежал? — вдруг поинтересовалась у него Кара.

Её волосы вновь заставили его думать об Ораносе, о тёплых днях, зелёных лугах и вечно синем небе.

— Потому что я ненавижу своего отца!

— Так ведь все ненавидят твоего отца… — промолвил Калум, но тут же нахмурился. — Хотя нет, не все, некоторые его просто боятся. Но я знаю кое-что о короле Гае, и это заставит меня никогда не поступить так, как ты просишь, юный принц.

Разочарование кулаком ударило его в грудь, и Магнус резко взглянул на мужчину.

— И что же это?

— Если он узнает, что его сын и единственный наследник пропал без вести, он собственноручно порвёт в клочья все три митиканских царства, от юга до севера, пытаясь тебя найти. Можешь представить, сколько пострадает людей? Сколько людей погибнет? И это всё потому, что тебе вздумалось, будто твоя полная баловства и привилегий жизнь плоха!

— Ты сказал, что кровь больше не проливаешь! — Магнус яростно дёрнул повязку. — Это он со мной сделал! Назвал это уроком и взял с меня клятву, что я сохраню тайну!

Калум не произнёс ни слова и молча коснулся своего шрама.

— Прости за боль, мой принц, ты прав. Но жизнь — это всегда раны. Наши шрамы будто кольца на стволе дерева, они лишь показывают течение нашей жизни. Когда у нас затягиваются раны, мы движемся вперёд… Вот она — разница, мы сбежать от проблем не сможем. Надо встретиться с ними, — его выражение стало серьёзным, хмурым. — Давай, я отведу тебя к твоему дому.

Магнусу хотелось спорить, возражать, кричать, требовать. Был ли этот человек прав? Может быть, его отец и вправду убьёт столько людей из-за одного желания бежать?

Да. Конечно, да.

Магнус позволил Калуму Столо и его дочери проводить его во дворец неохотно, с тяжёлым сердцем. И стоило им только войти на территорию замка, как стража бросилась вперёд, окружая их кольцом. Послышались на замёрзшей тропе тяжёлые шаги, и стража расступилась, чтобы пропустить вперёд разъярённого короля Гая.

Однако гневался он не на Магнуса, и пылающий ненавистью взгляд был направлен на Калума.

— Как ты посмел похитить моего сына? — прорычал король. — Чего ты хотел? Выкупа? Так ты намеревался поиздеваться надо мной?

Стражник отобрал у Калума мешок с монетами и вручил его королю, тот лишь бросил на него быстрый взгляд.

— Магнус, подойди сюда.

На мгновение замерев, Магнус бросился к отцу.

Король встряхнул мешочком у его глаз.

— Он украл у тебя это?

Нет, это Магнус украл, у своего родного отца, но правда застыла на его языке. Он вдруг понял, что кивает, а по щекам льются позорные слёзы, и он так испугался, что дрожит. Магнус взгляну на Кару, что крепко держала отца за руку, и быстро отвернулся, смущаясь от своей собственной лжи и стыдясь этих слов.

— Теперь ты дома, — отец положил тяжёлую ладонь Магнусу на плечо, а после присел на корточки рядом с ним. — Ты в безопасности, дорогой. Слава Богине!

— Ваше Величество… — начал Калум.

— Молчать! — король вновь встал, возвышаясь неистовым гневом, и лицо его искривилось дикой ненавистью. — Я позволил тебе покинуть твой пост, Столо, потому что ты не мог выполнять

работу, которую я тебе предоставлял, на должном уровне после того, как получил травму. И так ты платишь мне за доброту — похищаешь моего сына, воруешь мои деньги? — он кивнул страже. — Бросьте его в темницу. Я хочу, чтобы его немедленно казнили.

— Нет! Папа! — сорвался с уст Кары крик, когда её отца стража потащила в сторону подземелья.

— Отпусти мою дочь! — взмолился Калум. — Она не виновата, она не имеет к этому никакого отношения.

— Хорошо, — кивнул король и тихо прищёлкнул пальцами. — Отпустите ребёнка. Пусть замёрзнет сегодня вечером, если ему так угодно.

Кара смотрела на Магнуса широко распахнутыми глазами, ожидая, когда он что-то скажет и остановит всё это безумие.

Но слов больше не было. Магнус не мог признаться, не сейчас. Наказание было бы куда хуже любой порезанной щеки. Ложь — ложь отцу и королю! — закончится отрезанным языком или отрубленной головой.

Ему было жаль — он смотрел, как текли слёзы по щекам маленькой девочки, что отступила на шаг, второй, а после повернулась спиной и помчалась в холодную, снежную ночь.

***

Память об этом жутком моменте была всё такой же ясной, будто бы это только что случилось.

— Ты хочешь убить меня, — прошептал Магнус, чувствуя, как пересохло в горле.

— Я уже десять лет хочу убить тебя, — согласилась Кара.

— Может быть, я мог бы сражаться за свою жизнь. И вернуть её себе.

Она только рассмеялась.

— О, увы, но я не верю, что ты можешь. Я наблюдала за тобой последние месяцы, видела, как ты фехтуешь… Ты едва-едва способен поднять оружие, а о том, чтобы сражаться с его помощью, и вовсе речи нет. Если ты и побеждаешь, слушается это только потому, что твой соперник поддаётся. Стрельба из лука — просто смех, но я слышала, что ты презираешь охоту, так зачем же стрелять из лука? Ведь поколения уже не было войн, ты тут, в мягких, уютных стенах дворца. Кажется, больше убегать ты не хочешь… О, нет, я сомневаюсь, что ты сейчас смог бы хоть как-то бороться за собственную жизнь!

Ему хотелось с нею поспорить, но он отлично знал, что это правда.

— Ты так считаешь, да?

— Постой, есть кое-что, чем славится лимерийский принц… его прекрасный юмор! Ты больше ничего мне сказать не можешь? Может быть, сравнишь меня с девицами, что следуют за тобой, пуская слюни, и надеются, что ты обратишь на них хоть немного внимания? С девицами, что делают вид, будто бы шрам на твоей щеке не выглядит отвратительно, он скорее часть твоего замечательного образа, правда?

Он содрогнулся.

— Твои слова так же остры, как и этот кинжал. Ведь кинжал твоего отца, верно?

— Мне понадобилось время, чтобы вернуть его, и я заполучила его совсем недавно. Этот кинжал был для него важен, он был символом новой жизни, в которую он хотел окунуться, жизни без насилия — насилия, что от него бесконечно долго требовал твой отец. А ты просто взял и украл у него эту новую жизнь.

— Я не желал его казни, — сжал зубы Магнус. — Я понимаю, почему ты хочешь отомстить, но разве нет другого пути? Я прекрасно знаю, что ты мне не поверишь, но всё произошедшее… Мне действительно очень жаль, что это случилось.

Она гордо вскинула голову.

— Так докажи это!

— Как? Как предпочитаешь меня убивать? Мне умирать медленно, или тебе бы всё-таки хотелось, чтобы это случилось чуточку быстрее?

— Когда я получила этот кинжал от стражника, что решил продать его местному кузнецу, я узнала правду о том, что тогда случилось… Мой отец не был казнён, как повелел король.

Глаза Магнуса широко распахнулись от шока и удивления.

— Как?!

На её лице не было и капли облегчения, одна сплошная мрачность.

— Да, верно. Сейчас он в темнице. Всё ещё, все эти долгие годы… После того, что случилось. По крайней мере, — в голосе её чувствовалось беспокойство, сверкали карие глаза, — так мне сказали. Я не хочу надеяться, только не после всего, что случилось, не после этих лет, но если есть хоть какая-то маленькая возможность… — внимание её вновь вернулось к Магнусу, и она вновь прижала лезвие к его горлу. — Ты поможешь мне его освободить.

— Я? А если я откажусь или не смогу?

— Тогда я тебя убью и найду другой способ освободить своего отца. Это ведь так просто!

— Верно, очень просто, — он бросил взгляд на алую рукоять кинжала. — Я бы предпочёл, чтобы тайной осталось то, как такая хрупкая и невинная девушка, как ты, вынудила меня мириться со смертельной угрозой. Вероятно, мне бы и так никто не поверил.

— Девушки бывают очень опасными, — отозвалась Кара. — Особенно те девушки, что кажутся хрупкими и невинными.

— Мне следует это запомнить.

— Действительно. Ну что же, пойдём.

— Я должен соответствующе одеться, если ты не желаешь видеть меня в одной рубахе.

— О, я заметила твой наряд, — она кивнула на деревянный стул, что стоял у погасшего камина. — Пока ты тут похрапывал, я взяла на себя смелость подготовить твой плащ и сапоги, а больше ничего и не нужно.

Медленно, косясь на кинжал, который она всё ещё удерживала в дюйме от его плоти, Магнус соскользнул с кровати. Он не сводил глаз с Кары, пока натягивал чёрные кожаные сапоги и надевал чёрный плащ поверх тонкой серой ночной рубахи. Ноги его оставались голыми, пусть и под шерстяной одеждой.

— Покажешь мне дорогу, — она кивнула на кинжал. — Вперёд.

— Как ты вообще здесь оказалась? — спросил наконец-то он, когда они, выскользнув из покоев, двинулись по коридору.

— У меня есть свои пути. Девочка многому научилась за десять лет, пока некому было её защитить. Ты всё время думал обо мне? Или забыл тут же, как солгал королю о том, что сделал мой отец?

Он хотел повернуться к ней и посмотреть в глаза Каре, но не сводил взгляда с каменного коридора, освещённого зажжёнными факелами, что будто бы вели их к нужному месту.

— Я думал о тебе, но мне казалось, что ты погибла. Я помню, тогда была очень холодная ночь, да и такая снежная буря, самая сильная за последние пару лет. Сколько тебе тогда было, шесть?

— Семь.

— Как и мне.

— Думаю, да. Осторожно, впереди охрана. Поиграй немного, о мой принц, не то придётся пополнить твою прекрасную коллекцию шрамов ещё одним.

Была ли эта девушка столь умела в обращении с клинком, сколь уверенно себя чувствовала во дворце, полным её врагов? Ведь только одно слово стражницу, и её жизнь оборвалась бы в тот же миг.

Чувство вины за выбор, совершённый в ту ночь, далёкую, но незабытую, заставило его замолчать, и он лишь коротко кивал

страже, мимо которой проходил.

— Отвечая на твой вопрос… — протянула Кара. — Я подружилась с несколькими служанками из дворца, что ходили по магазинам в нашей деревне пару неделю назад. Они пристроили меня горничной тут, когда я сказала, как мне нужны деньги, чтобы выжить. Бедные добрые девочки, они и не предполагали, что каждое моё слово было лживым.

— Они всё ещё живы? — сухо спросил он.

— Да, разумеется. Я же не убийца.

— Ты сама сказала, что убила четверых человек.

— Эти четверо заслуживали скорой смерти, вот уж поверь мне. Я знаю, что даже мой отец одобрил бы это проявление насилие. Нам ещё далеко? — они покинули дворец, миновали ледяные сады и шли по тропе, что вела к высеченной в скале лестнице — на вершине её громадиной высился дворец.

— Не очень, но я не знаю, не так уж часто тут бываю.

— О, я в этом уверена, — она промолвила это с таким презрением, что он даже оглянулся на неё через плечо, но девушка только огрызнулась: — Чего пялишься?

— Думаю, что у кого-то в жилах и крови яда побольше, чем в моих.

— О, мой принц, избавь меня от подобных наблюдений! — воскликнула она безо всякого уважения. — Я совершенно не нуждаюсь в твоей жалости или в твоём понимании, мне нужен только мой отец.

— Десять лет, — отозвался он. — Он провёл тут слишком много времени. Это кого угодно изменит. Сделает мрачным, сердитым, полным горечи… Даже с ума сведёт.

— Пошевеливайся, я сказала, — она ткнула его в спину кинжалом, и он с ненавистью посмотрел на неё. — Или ты тоже окажешься запертым где-нибудь лет на десять и на своей шкуре проверишь, действительно ли это так меняет человека.

У главной двери стоял лишь один часовой, и, кажется, открыть это железное сооружение мог только кто-то столь огромный и мускулистый.

— Ваше Высочество, — стражник поклонился Магнусу, когда тот снял капюшон, открывая лицо.

— Я хочу войти в темницу, — ровно промолвил он.

Страж вскинул голову, хмуря брови.

— Но ведь ещё не рассвело…

— И что?

— И… И это кажется очень необычной просьбой, — он покосился на Кару, что стояла за спиной Магнуса. — Ваше Высочество, всё в порядке?

Слово. Одно только слово: нет. Вот и всё, что надо сказать, дабы это закончилось.

Магнус покосился на свою шею, у которой Кара держала лезвие кинжала. Он ненавидел, когда ему приказывали что-то делать, не оставляя совершенно никакого выбора. А если уж учесть угрозу смерти, обвинение в лжи и трусости, то, что ему даже не дали шанса сражаться…

Наследника престола должен уважать каждый, независимо от того, что именно требовало это уважение от подданных. Его отец показывал это ему каждым своим приказом, каждым действием, каждой казнью, причиной которой он был. Каждым своим отвратительным или справедливым законом. Каждым ударом — и Магнус знал, что даже это должно было помочь ему стать сильнее.

Магнус повторял это, как мантру, каждый вечер перед сном, сном, что прерывался дикими кошмарами каждую ночь — кошмарами о шраме, кошмарами о казнях… кошмарами о Калуме в ту снежную ночь, когда его утаскивали в подземелья, а девочка убегала в снежную бурю…

Но однажды трон станет его — и он тоже станет той силой, что способна творить законы и требовать чужой казни. Король никогда не позволил бы себе пострадать от глупой девицы, у которой в руках только кинжал её отца — и пустые угрозы, срывающиеся с её губ.

Одно только слово Магнуса этому стражнику, и весь этот кошмар наконец-то закончится.

Он ещё раз обернулся через плечо, наверное, лишь бы убедиться, что и Кара тоже была встревожена, а на лбу её блестел пот. Руки её были спрятаны под полами плаща, ткань же, видимо, скрывала и кинжал. Взгляд её метнулся к стражнику, и в памяти Магнуса вновь возникла та страшная снежная ночь десятилетней давности. На её лице застыло то же выражение лица, как и тогда, в ту жуткую ночь — широко распахнутые глаза, губы, сжавшиеся в тонкую линию.

Она была испугана.

Магнус повернулся к стражнику.

— Как тебя зовут?

— Фрэнсис, Ваше Высочество.

— Фрэнсис… знаешь ли ты, что всё это выглядит так, будто бы ты со мной споришь? Ты в курсе? Или это правда?

— Спорю? Нет, Ваше Высочество, отнюдь, я никогда не…

— Я сказал, что хочу попасть в эти подземелья, и что ты должен открыть передо мной дверь. Или, может быть, мне стоит поделиться со своим отцом новостью о твоей нерешительности

относительно поступков… и моих приказов? Он будет в восторге от этой новости.

— О, нет, Ваше Высочество, прошу, простите меня, я никогда не думал такого… — Фрэнсис бросился к двери, коснулся рукой в перчатках дверной ручки, а после, перегнувшись, напрягшись, толкнул дверь.

— Замечательно, — кивнул Магнус, ступая в подземелья. — Ты нас сопроводишь. Мы с моей подругой ищем заключённого. Его зовут Калум Столо и, если я не ошибаюсь, он находится здесь уже десять лет.

Стражник нахмурился.

— Калум Столо…

— Ну ведь должен быть у вас хоть какой-то реестр, хотя бы некоторая организация! Да, конечно, я понятия не имею, как работает это подземелье, но полагаю, что что-то подобное есть. Если ж нет, то…

— О, нет, конечно же! Я немедленно всё проверю, — Фрэнсис поклонился и поспешил прочь, туда, куда велел ему принц.

В тёмном коридоре застыла тишина, и Магнус поднял голову, посмотрел на высокий потолок, вырубленный в скале. Постоянно капали с потолка капельки воды со страшным звуком, эхом от каменных стен отражались голоса. Из коридора вели три туннеля, и Фрэнсис исчез в одном из них.

С той поры, как он ушёл, Кара не проронила ни слова. Она даже не продемонстрировала вновь свой кинжал с алым эфесом.

— Ты действительно собираешься мне помочь… — наконец-то прошептала она.

— Я попытаюсь.

Она содрогнулась.

— Принц Магнус… Спасибо…

Он вскинул руку.

— Пока что не стоит никаких благодарностей. Если честно, тебе и вообще никогда благодарить не нужно. Если бы я знал, что твой отец всё ещё жив… — он вздохнул. — Признаться, понятия не имею, что бы я сделал. Но если сегодня я могу поступить правильно, то постараюсь действительно совершить это. Изо всех сил.

Она кивнула, и стражник вернулся со свитком.

— Вы сказали, Калум Столо… — указательный палец Фрэнсиса скользил по старой странице. — Да, вот есть о нём запись. Кажется, он умер два года назад. Убит другим заключённым…

— Нет! — вскрикнула Кара.

Фрэнсис насторожился при звуке её крика, а Магнус не мог

решиться посмотреть в глаза. Ему хотелось смотреть, на самом деле, куда угодно, лишь бы не на Кару.

Всё не могло закончиться. Не так просто. Нет, иначе звук этого полного скорби крика Кары будет преследовать его до конца его дней.

Магнус стиснул зубы.

— Проверьте вновь.

Фрэнсис прижал пергамент к своей груди.

— Ваше Высочество, я только что проверил, и…

Магнус бросился вперёд, схватился за тунику стражника одной рукой.

— Ещё раз! — повторил он.

— Да, Ваше Высочество. Конечно, Ваше Высочество… — Фрэнсис вновь разгладил бумагу. Поморщился. — Нет-нет, простите, моё зрение теперь стало хуже, чем прежде… Эта запись была на строку выше. Да, Калум Столо, да-да, десять лет назад…

Магнусу казалось, будто бы с его души слетел какой-то маленький, но ощутимый камешек.

— Почему его так долго удерживали от казни?

— Ваше Высочество, я не знаю. Обычно это свидетельствует о том, что о существовании этого человека давно уже забыли.

— Отведи меня к нему, — твёрдо промолвила Кара.

Фрэнсис удивлённо изогнул бровь.

— Но, юная леди…

— Делай то, что она говорит, — Магнус промолвил это с такой уверенностью, на которую только был способен. Сейчас не время для колебаний, только не тогда, когда у них наконец-то появился лучик надежды. Он уже сделал свой выбор и должен до конца довести то, что начал, чем бы это ни закончилось.

Стражник кивнул, и Магнус с Карой двинулись за ним по правому ответвлению коридора, что вёл к длинному хода к рядами железных дверей. Магнус зажал нос рукой, пытаясь спрятаться от жуткого зловония гниющего мяса, смерти, экскрементов… Ему хотелось и уши зажать, чтобы не слушать вопли и бесконечные крики, что раздавались из-за дверей.

— Не слушай, — тихо обратился к Каре Магнус, шагая рядом с ним. — И, что бы ты ни увидела, никак не реагируй на это, потому что это может вызвать его тревогу. А ведь нам не надо, чтобы он привлёк кого-нибудь из своих товарищей, правда?

Она ответила ему только коротким согласным кивком.

— Отлично.

Фрэнсис довёл их до конца коридора, после направился в следующий ход, вниз по лестнице, углубляясь в подземелье.

— Здесь, — он указал на одну из железных дверей.

— Открывай, — приказал Магнус.

Он вынул из-за пояса связку ключей, выбрал нужный, вставил его в замок, провернул, с громким скрипом сдвинул задвижку и открыл дверь.

Внутри камеры — она была не намного шире, чем четыре-пять шагов, — сидел мужчина. Он прижимался спиной к стене, его лицо было грязным и покрытым шрамами, длинная борода казалась поседевшей, а глаза — пустыми.

Кара направилась к нему, но Магонус схватил её за руку, останавливая. Лицо его превратилось в обыкновенную маску.

— Он пойдёт с нами, — обратился Магнус к стражнику. — Я официально прощаю ему все его преступления.

— Ваше Высочество, но помиловать может только само король…

Здесь был только один стражник. Только один свидетель, но где-то, возможно, есть и другие.

Но что он собирался сделать? Убить его? А ведь Магнус в своей жизни никогда никого не убивал. Кара не ошиблась — но не в том, что у него были такие отвратительные боевые навыки, а в том, что он не собирался убить стражника только ради того, чтобы убрать его со своего пути.

У принца были и другие способы, с помощью которых он мог получить то, что хотел.

— Скажи мне, Фрэнсис… Может ли прекрасный, почётный, столь верный стражник, как ты, быть подкупленным и освободить заключённого, о котором, несомненно, забыли все, включая и самого короля? — медленно выговаривая каждое слово, спросил Магнус.

— Ваше Высочество? — Фрэнсис казался шокированным, но сквозь это просматривался и интерес.

… Прошло не так уж и много времени, и Кара с Магнусом покинули темницу, осторожно ведя вперёд Калума Столо. Он шёл медленно, шатко, не проронил ни единого звука. Не сказал ни единого слова. Но он всё ещё мог ходить, и уже это Магнус принимал за хороший знак.

Магнус сопроводил их в деревню в двух милях от дворца, ту, где когда-то встретил их впервые. Он редко бывал здесь, тем более, один, но это утро стало исключением.

Кара наблюдала за своим отцом, осторожно убирая седые волосы с его лба.

— Папа, ты слышишь меня?

Магнусу не хотелось просто так уходить, по крайней мере, не сейчас. В конце концов, то, что он узнал о Каре и её отце за такой короткий отрезок времени, заставляло его узнать, не было ли всё

напрасным. Ведь если мужчина обратился в безжизненное существо, вина его за ту ночь никуда не пропадёт. И эти кошмары… Сколько лет он мечтал перестать видеть те жуткие картины по ночам!

Он смотрел на лицо человека, застывшего в тени домов. Только что открылась пекарня, и вонь от отца Кары, просидевшего десять лет в темнице, заглушалась запахами свежеиспечённого хлеба.

— Вы слышите нас, Калум? — тихо спросил Магнус. — Мне жаль за ту ночь. Мне действительно жаль.

Калум моргнул, коротко качнул головой.

А после его рука с силой сжала горло Магнуса, так крепко, будто бы петля во время казни.

— Ты… — удалось выдавить Калуму, разжав губы, обнажив прогнившие зубы, покрытые чёрным налётом, и его усыпанное шрамами лицо скривилось. — Ты оставил меня там на все эти годы.

— Я не… Я… Я не знал, — Магнус не мог дышать, не мог думать. Как на человека, что десять лет провёл в темнице, он казался удивительно сильным.

— Папа! — вскричала Кара. — Папа, нет, это сделал не он! Он понятия не имел, что ты там находишься, он думал, что ты давно умер! Это он помог мне освободить тебя, папа. Ты свободен. Папа, слышишь, ты свободен!

Калум замер от звука её голоса, и хватка на горле Магнуса вдруг ослабела. Он повернулся, чтобы посмотреть на свою дочь, и глаза его широко распахнулись, будто бы он видел её впервые в жизни…

— Кара.

Он отпустил Магнуса — и заключил дочь в крепкие объятия. Прошло несколько минут, прежде чем он отвернулся от своей дочери, чтобы опять посмотреть на Магнуса.

— Ты не знал… — в его голосе всё ещё чувствовалось отчаянное сомнение.

Магнус только покачал головой.

— Нет. Но я знаю, что ты хочешь, чтобы я сполна отплатил за все страдания, которые ты пережил. И я действительно заслуживаю за это того, что ты считаешь нужным, за содеянное. Я принимаю твой выбор.

Калум как-то сухо хохотнул — или, может быть, закашлялся.

— Ты был просто мальчишкой.

— Это не оправдывает меня.

— Не оправдывает… Но это было причиной. Тебе было семь лет, и ты до ужаса боялся своего отца. Я видел страх в твоих

глазах. Мне казалось, что твоя жизнь для него отличалась от того, что я испытал на службе в роли стражника, что он будет тебя ценить и относиться, будто к золоту… Но ведь он так не поступал, верно? Даже сейчас…

Этот человек всё ещё казался до ужаса наблюдательным.

— Мой отец делает то, что нужно. Он король, и ему лучше знать, какой выбор поможет стране.

— Ба! Твой отец совершает всё это потому, что он отвратительный ублюдок! И это ещё мягко сказано… — он заглянул в глаза Кары, и казалось, что черты его лица застыли в умиротворённом выражении. — Я свободен.

Она только коротко кивнула.

— Да. Наконец-то.

Калум вновь повернулся к Магнусу.

— У нас в Терре есть родные. Туда мы и отправимся, потому что мне нужно уйти как можно дальше от этого замороженного царства… — поколебался он. — Ты убегал в ту ночь, когда мы случайно встретились, и ты всё ещё желаешь уйти?

Магнус заставил себя дышать.

— Иногда. До той поры, пока мой отец будет жить, думаю, это желание всё ещё окончательно меня не покинет.

— Так бежим, — промолвила Кара, коснувшись его руки, и во взгляде её вспыхнула надежда. — С нами…

Это предложение заставило его улыбнуться. Семнадцать лет: убеги и начинай далёкую новую жизнь. Другая семья, другое королевство, другое будущее…

— Боюсь, я так не смогу, — сказал он, отстранившись от неё, от её прикосновения, на несколько шагов назад. — Как ты видишь, скоро шестнадцатилетие моей сестры. Там будет королевский банкет, так что мне следует появиться на нём.

— Ваше Высочество… — начала Кара.

Магнус решительно покачал головой.

— Я — наследник престола, и в моём будущем нет места ни для чего, кроме силы и величия. Почему же мне всегда хочется сбежать от этого, чтобы начать жизнь в новом месте? — он позволил своим словам застыть в воздухе, ожидал от себя сопротивления — может быть, ему следовало согласиться на их предложение и покинуть Лимерос навсегда.

Да, желание в нём пылало, но и оно казалось не настолько сильным, чтобы толкнуть его на такое.

— Что ж, удачи, — он кивнул отцу и дочери. — Обоим вам.

После, посмотрев в последнее время на Кару, он повернулся и зашагал обратно к своему отцу, матери, к своей сестре — и к единственному дому, который у него когда-либо был.